СТАРИНА.

О старина святая, какимъ ты чудищемъ громоздишься позади насъ, среди развалинъ и гробовъ, подъ маревомъ тлѣнія, подъ полупрозрачнымъ облакомъ своего бытія, въ веригахъ предубѣжденій и суевѣрій!.. и ты была рабыней приличій, и надъ тобою господствовалъ обыкъ, называемый нами нынѣ модой, и ты отличала что идетъ, что не идетъ, что кстати, а что не кстати, но все это велось у тебя по–своему, а не по–нашему; понятія вѣковъ объ этомъ дѣлѣ не сходятся. Но, какъ нынѣ, такъ и тогда, законодателемъ и двигателемъ всего было — тщеславіе и самолюбіе.

Раздолье и разгулъ, о которыхъ теперь слышимъ развѣ только въ сказкахъ, не токмо были нѣкогда въ живомъ поминѣ, въ народной памяти, но и дѣялись и творились на самомъ–дѣлѣ. Польша и Литва, можетъ–быть, были вожаками предковъ нашихъ, въ

иступительномъ изъявленіи радости и печали, въ безумной роскоши, великолѣпіи и расточительности, въ шуткахъ, играхъ и забавахъ, вовсе непохожихъ на то, что у насъ нынѣ принято называть этимъ словомъ. Увеселенія эти всегда почти были весьма накладны для тѣхъ, которымъ, по отношеніямъ своимъ, суждено было послужить утѣхой сильному; а сильный помнилъ, зналъ, любилъ и чтилъ только самого себя и необузданную волю свою.

Вотъ какъ, по сохранившемуся преданію, одинъ вельможа западнаго края нашего принималъ у себя коронованную особу, почтившую владѣнія и домъ его своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь, конечно, въ угодность кроткой государынѣ, не происходило, впрочемъ, ничего, могущаго, по тогдашнимъ понятіямъ, возмутить чувства человѣчества; это только образецъ тогдашней роскоши и великолѣпія, неизвѣстныхъ нынѣ въ частномъ быту.

Въ пятнадцати верстахъ отъ замка, на самой границѣ владѣнія, поставлены были торжественныя ворота, для проѣзда подъ

ними, искусно и красиво сложенныя изъ телегъ, дровней, боронъ, сохъ, плуговъ, косъ, граблей, лопатъ, вилъ и другихъ земледѣльческихъ орудій; кругомъ, снаружи и снутри, огромныя, просторныя ворота эти украшены были разными частями крестьянской одежды яркихъ цвѣтовъ; наверху, на воротахъ, надъ самымъ сводомъ, стояла четверка живыхъ лошадей съ вожатыми, въ шлемахъ и латахъ; по всей поверхности воротъ, также снаружи и подъ сводомъ, разставлены и разсажены были на земледѣльческихъ орудіяхъ множество красиво–одѣтыхъ дѣтей, которыя прокричали привѣтствіе и обсыпали поѣздъ цвѣтами.

Начиная отъ воротъ этихъ, гдѣ начинались и владѣнія вельможи, вся дорога, перемежкою, то уставлена и усыпана была цвѣтами, привезенными за большія деньги изъ окружныхъ садовъ и теплицъ, то устлана сукномъ или бархатомъ яркихъ цвѣтовъ; все это, по проѣздѣ высокой гостьи, отдавалось на расхищеніе народу. На каждой полуверстѣ устроена

была какая нибудь нечаянность: либо хоръ пѣвчихъ, либо музыканты, либо цыганскій таборъ, во всей праздничной пестротѣ своей, либо конный отрядъ ловчихъ съ рожками, старцевъ съ волынками, кобзарей, гусляровъ, гудочниковъ и прочее; надо было еще проѣхать подъ торжественными воротами особеннаго устройства, почти сплошь изъ живыхъ изваяній: сотни дѣвушекъ, всѣ въ бѣлыхъ тонкихъ платьяхъ и въ зеленыхъ и въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, покрывали собою ворота эти во всю вышину и ширину ихъ, снутри и снаружи; всѣ онѣ стояли неподвижно, покрывая собою одѣтыя малиновымъ бархатомъ ворота, снизу до верху; когда поѣздъ сталъ приближаться, то всѣ онѣ дружно и согласно запѣли и затѣмъ опять цвѣты посыпались со всѣхъ сторонъ на колесницу высокой гостьи и на дорогу.

На границѣ усадьбы своей, за этими воротами вельможа встрѣтилъ почетную гостью свою, стоя у дороги съ шапкою въ рукахъ и припавъ на одно колѣно. Поѣздъ

остановился, гостью просили пересѣсть въ огромныя сани, хотя дѣло и было среди теплаго лѣта, а глаза ея, при взглядѣ впередъ по дорогѣ, ослѣплены были блескомъ свѣжаго, бѣлаго снѣга. Сани, устроенныя корабликомъ, обитыя листовымъ серебромъ, завѣшанныя собольими и бобровыми полстями, съ серебряными и золотыми лапами и пастями, стояли тутъ, какъ судно на водѣ, съ мачтою и оснасткой, съ флагомъ высокой гостьи, и были запряжены шестеркою огромныхъ медвѣдей. Медвѣди красовались въ наборныхъ серебромъ по алому бархату шлеяхъ, съ множествомъ бубенчиковъ и съ большими пучками страусовыхъ перьевъ на головахъ. Дорога отсюда, на нѣсколько верстъ, до владѣльческаго замка, усыпана была на четверть мелкою, бѣлою солью, которая и замѣняла снѣгъ. Соль, какъ извѣстно, въ томъ краю, удаленномъ отъ водянаго сообщенія, довольно–дорога, а въ то время была еще дороже. Хозяинъ усадилъ подъ–руки дорогую гостью свою, гайдуки стали на запятки, онъ принялъ

вожжи, усѣвшись на козлы, и поѣздъ, подъ почетнымъ прикрытіемъ сотни мѣстныхъ дворянъ, въ однообразной, великолѣпной одеждѣ своей и вооруженіи, тронулся. Медвѣди пошли изрядною иноходью, вели себя во всю дорогу чинно и честно; дерзкая и опасная самонадѣянность не обманула хозяина. Вслѣдъ за поѣздомъ несмѣтныя толпы народа съ жадностью сгребали цѣнную соль, которая, отбывъ необычайную службу свою, въ должности заурядъ–снѣга, поступила такимъ образомъ на крестьянскія кухни цѣлаго округа, а сани корабликомъ все быстро неслись впередъ.

Послѣ разныхъ причудъ, которыя устроены были тутъ и тамъ, на разстояніи этого послѣдняго перегона, прибыли къ дѣдовскому замку владѣльца. Хозяйка съ дочерьми стояла на низшей ступени вновь–сооруженнаго огромнаго крыльца, въ родѣ какой–то площади, сплошь покрытой малиновымъ бархатомъ, съ золотыми галунами, кистями, гербами владѣльца и другими украшеніями. Лѣстница, широкая и отлогая, какъ–бы для въѣзда, а не для

входа, вела прямо со двора во второй ярусъ дворца или замка; весь рядъ покоевъ этихъ обращенъ былъ въ непрерывный садъ или связь садовъ, съ рѣдкими и дорогими плодовыми кустами и деревьями, съ заморскими цвѣтниками, съ птицами всѣхъ родовъ и величинъ, со звѣринцемъ, и наконецъ даже со свѣтлыми прудами, въ которыхъ плавала рыба по золотистому или серебристому песку, съ водопадами и водометами.

Когда высокая гостья прошла, въ почтительномъ сопровожденіи хозяевъ своихъ, по возвышенному, богато украшенному помосту и остановилась у входа во дворецъ, чтобъ окинуть глазомъ окружную мѣстность, то, по незамѣтно–данному знаку, весь помостъ этотъ будто ожилъ, зашевелился, бархатъ взволновался, помостъ разсыпался, и вся наклонная площадка подъ нимъ покрыта была народомъ, который стоялъ на второмъ, низшемъ помостѣ и громогласно привѣтствовалъ гостью, прошедшую по этому народу.

Почивальня устроена была въ видѣ возвышенной бесѣдки среди обширной палаты, вся, сверху до низу, снутри и снаружи украшенная золотыми сосудами, ожерельями и толстыми кистями самокатнаго жемчуга. Благовонія затѣйливо били ключами и взметывались отвѣсными струйками — словомъ, остальное вамъ легко будетъ дополнить изъ тысячи одной ночи.

Это особенный, исключительный случай изъ прежняго быта, напоминающій потемкинскіе пиры и празднества; но не менѣе любопытенъ бытъ, пиры и прогулки въ тогдашней частной жизни буйныхъ баръ, о которыхъ можно сказать, что свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

Вельможа, жившій въ усадьбѣ своей посреди огромныхъ вотчинъ, любилъ жить такъ, будто на цѣломъ свѣтѣ никого не было, кромѣ него, или, по-крайней-мѣрѣ, будто все, что есть, создано и сотворено одному ему въ угоду, въ услугу и на потѣху. Если баринъ расположенъ былъ печалиться и огорчаться чѣмъ-нибудь, то все, что было вкругъ него живое, должно

было сочувствовать ему и плакать; бѣда тому, у кого бы могли быть въ это время свои собственныя радости и кто бы посмѣлъ нарушить боярскую кручину неумѣстнымъ весельемъ: за такую выходку, сказываютъ, даже глупая корова поплатилась однажды своею шкурой: безтолковая скотина эта во время хандры барской вздумала повеселиться на свою руку, заревѣла съ–дуру и, вскинувъ хвостъ, пустилась по двору чуть не въ присядку, по–крайности въ припрыжку, козломъ. За это, въ страхъ прочимъ и чтобъ, глядя на нее, другимъ такъ дѣлать было неповадно, ее казнили и сняли съ нея шкуру… Если же вельможа былъ въ духѣ и хотѣлъ веселиться, то кстати ли, не кстати было это для другихъ, а подъ страхомъ такой же кары всякому запрещалось вздыхать, задумываться или нарушать степеннымъ видомъ своимъ барское веселье; всякъ приглашался, волей и неволей, радоваться и веселиться съ изступленіемъ, съ неистовствомъ, безъ числа и мѣры и безъ оглядки; радоваться,

хотя бы напримѣръ тому, что вельможа самъ веселъ.

Образованіе надѣляетъ человѣка силою сдерживать похоти и страсти свои, выравнивать и сглаживать нравъ, охраняя его отъ всѣхъ унижающихъ человѣчество неистовыхъ порывовъ и страстныхъ, крутыхъ переходовъ. Дикій, вѣрнѣе, одичавшій человѣкъ безспорно ближе къ звѣрю, чѣмъ образованный; имъ владѣетъ слѣпой произволъ и самоуправство, какъ животнымъ владѣетъ слѣпая побудка; въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ того, что отличаетъ или образуетъ человѣка: разсудка и милосердія, истины и любви.

Одинъ изъ вельможъ такихъ жилъ, сказываютъ, среди прочихъ помѣщиковъ, не какъ между собратами, а какъ между подданными среднихъ вѣковъ. Воля его, какъ бы ни была она безсмысленна и самовластна, исполнялась почти всегда безпрекословно; спорить съ нею не было по силамъ никому. Всякая минутная причуда его, всякая придуманная отъ бездѣлья шутка, какъ бы умна или глупа она ни

была, кому и чего бы ни стоила, немедленно приводилась въ исполненіе. И самъ вельможа этотъ — назовемъ его Усмановымъ, нельзя же не назвать его — самъ Усмановъ, во всѣхъ безпутныхъ похожденіяхъ этихъ не жалѣлъ и самого себя, не только имущества и добра своего, если что разъ сказалъ и хотѣлъ послѣ поставить на–своемъ.

У Усманова былъ сосѣдъ, надъ которымъ онъ нерѣдко потѣшался, но всегда въ извѣстной мѣрѣ, называя его своимъ задушевнымъ другомъ. Это былъ владѣлецъ мелкопомѣстный, почти бѣднякъ, въ лѣтахъ, домосѣдъ, человѣкъ тихій и скромный, всегда удалявшійся отъ шумныхъ и буйныхъ сборищъ, но несмѣвшій никогда и ни въ чемъ отказывать могучему и своевольному сосѣду; онъ даже являлся къ нему съ повинною каждый разъ, когда былъ, нельзя сказать приглашаемъ, а призываемъ на пиры и погулки. Услышавъ, что къ этому сосѣду пріѣхалъ погостить зять, человѣкъ свѣтскій, но столичный житель, Усмановъ послалъ звать ихъ къ

себѣ убѣдительно и вѣжливо. Онъ скучалъ вѣчно съ одними и тѣми же лицами и радъ былъ всякому заѣзжему. Сосѣдъ уговорилъ зятя ѣхать по зову. Усмановъ давно привыкъ къ раболѣпству и спокойное, свободное обращеніе гостя, человѣка посторонняго и независимаго, нѣсколько затронуло его властолюбіе. Кажется, это одинъ изъ вольнодумцевъ, сказалъ онъ, это непокорный. Своенравный хозяинъ, составившій себѣ такое понятіе о гостѣ, тотчасъ, послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, тутъ же подумалъ, что не худо бы этого столичнаго гостя немного проучить, посбить съ него министерской замашки, какъ онъ выразился. Онъ, между–прочимъ, пригласилъ гостей посмотрѣть лошадей и велѣлъ тутъ же заложить четверку коурыхъ рядомъ въ коляску. Коурые глядѣли звѣрьми, наливали и закатывали бѣлки. «Не угодно ли немножко прокатиться» спросилъ Усмановъ вкрадчивымъ голосомъ своимъ молодаго гостя, «хоть поглядите на нашу деревенскую пріѣздку». Тотъ

поблагодарилъ, не выразивъ этимъ ни да, ни нѣтъ. «Не опасается ли дорогой гость мой этихъ лошадокъ?» продолжалъ хозяинъ — «мои лошадки смирны и скромны, кучеръ надежный, выѣзжены порядочно, дороги у насъ ровны: право нисколько не опасно; онѣ ходятъ у меня, какъ у ребенка жукъ на ниточкѣ; куда захочу, туда и потяну. Сядемте вмѣстѣ, прибавилъ онъ, понуждая его въ коляску, «хоть полюбуемся побѣжкою моихъ коуренькихъ, вѣдь это дѣтки мои!»

Сѣли и поѣхали со двора малою рысью. Хозяинъ привставалъ, указывая то на ту, то на другую лошадь, и обращая вниманіе дорогаго гостя на качества и свойства ихъ. Кучеръ, будто ужъ зналъ что дѣлаетъ, запускалъ ихъ все шибче–и–шибче; пристяжныя давно ужъ разстилались, но дышловыя покуда все еще неслись крупною рысью. Вдругъ прикатили къ порядочной рѣчкѣ, въ крутыхъ и высокихъ берегахъ; лишь только открылась она, какъ радушный хозяинъ говоритъ тѣмъ же нѣжнымъ голосомъ кучеру: «спусти по–свойски,

Ильюша, потѣшь гостя!» Смотавъ и связавъ всѣ вожжи въ одинъ узелъ, Ильюша вдругъ привсталъ на подножкѣ, бросилъ со всего размаху этотъ узелъ вожжей лошадямъ въ головы, замахалъ руками и загаркалъ самымъ дикимъ, отчаяннымъ голосомъ.

Четверка понесла во весь духъ съ крутой горы, прямо въ рѣку, и вынеслась вихремъ на противоположный, неменѣе крутой берегъ. Ильюша присѣлъ на козлы и сказалъ только: «птру» — и коурые стали, какъ вкопаные. Кучеръ проворно соскочилъ, разобралъ вожжи, спустился обратно шагомъ, проѣхалъ бродъ и спокойно привезъ господъ домой. Говорятъ, что гость, вспомнивъ во время продѣлки этой, что у него есть дома жена и дѣти, хотѣлъ–было выскочить изъ коляски и, конечно, сломилъ бы себѣ шею; но хозяинъ, приготовившись ужъ къ этому, удержалъ и осадилъ его сильною рукою. Нахохотавшись до–сыта, онъ только спросилъ: «Что это, вы, кажется, человѣкъ молодой, а не любите скорой ѣзды; или,

можетъ–быть, вы только не жалуете съ горки на горку?»

Разъ какъ–то къ Усманову собралось около десятка гостей, подъ стать и масть; подгулявъ и покутивъ на всѣ лады порядкомъ, они, въ угоду хлѣбосольному милостивцу своему, вошли въ такое иступительное веселье, что готовы были, по первому призыву его, покуситься на какое угодно сумасбродное дѣло. «А для чего не пріѣхалъ ко мнѣ сегодня собака Мухортый?» спросилъ хозяинъ скромнымъ голосомъ своимъ. Отвѣчали, что тотъ, кому Усмановъ далъ такую кличку, не могъ пріѣхать сегодня потому, вѣроятно, что ему на–дняхъ Богъ далъ сына и, какъ слышно, жена очень–нездорова. «Я его однако же очень просилъ» продолжалъ тотъ, «и думаю, что одно дѣло другому не мѣшаетъ. Такъ какъ же вы думаете, господа, слѣдовало ли ему уважить просьбу мою, или нѣтъ?» Рѣшили единогласно, что слѣдовало. «И я съ вами въ этомъ согласенъ» продолжалъ хозяинъ, «коли прошено о чемъ, такъ можно бы уважить.

Жена дѣло домашнее, что не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, успѣлъ бы и съ нею намиловаться. Такъ какъ же вы думаете, не велѣть ли сѣдлать лошадей, да забравъ артиллерію, не отправиться ли намъ самимъ, для прогулки, за неучливцемъ?» Предложеніе это, какъ и все, что предлагалъ Усмановъ, принято было съ крикомъ ура. Осѣдлали коней, посадили съ полсотни стремянныхъ, ловчихъ, доѣзжачихъ на–конь, запрягли шесть пушекъ и отправились за пятнадцать верстъ къ сосѣду. Послали впередъ переговорщика, который случайно былъ дотого пьянъ, что вломился въ домъ, какъ шальной, и, кромѣ бранныхъ словъ, не могъ произнести ни слова. Перепуганные домочадцы, охраняя больную родильницу, съ трудомъ выпроводили его, увѣряя, что барина нѣтъ дома. Раздраженная этимъ буйная шайка, полагая, что собака Мухортый струсилъ и притаился, открыла страшную пальбу изъ пушекъ песочною картечью, выбила всѣ окна въ домѣ, а кой–кому и глазъ, и, выломивъ ворота,

бросилась на приступъ. Храбрые воины дотого забылись и остервенились, что усадьба была разграблена до–чиста, какъ взятая съ бою непріятельская крѣпость. Хозяинъ, воротившись съ поля, куда преспокойно ѣздилъ осматривать работы, нашелъ домъ свой разореннымъ, дѣтей въ страхѣ и плачѣ, почти въ помѣшательствѣ, а жену при послѣднемъ издыханіи.

Нѣсколько времени спустя, у Усманова шла опять такая же погулка и попойка, на которую также силою привезенъ былъ старичокъ–сосѣдъ, только–что выпроводившій своего зятя. Онъ пожимался, глядя на безобразное общество, въ которое его завезли, но не смѣлъ и подумать о возвращеніи: скорѣе бы связали его и положили подъ столъ, чѣмъ позволили бы обезчестить такимъ образомъ хозяина. Глядя на старичка и друга своего, который заботливо и съ видимымъ безпокойствомъ порывался домой, Усманову пришло въ голову наказать этого гостя за то, что онъ нарушаетъ такими безчинствами — то–есть вспоминая домъ

свой — общее веселье. «Я тебя выучу, сидя у меня за столомъ, вздыхать по своей навозной кучѣ», пробормоталъ онъ и, вслѣдъ за тѣмъ, подзывалъ онъ поочередно нѣсколькихъ изъ прихлебниковъ своихъ, говорилъ имъ что–то на–ухо и подмигивалъ. Всякій, кому была довѣрена тайна эта, выходилъ изъ себя отъ удовольствія и смѣха, изъ чего и должно бы заключить, что тутъ шла рѣчь о крайне–замысловатой шуткѣ, хотя все дѣло состояло, на первый случай, въ томъ, чтобъ напоить старичка мертвецки–пьянымъ. Всѣ принялись, чтобъ исполнить это во что бы ни стало; отъ него не отходили ни на шагъ, его окружали, какъ дорогаго гостя, какъ плѣнника, какъ ребенка, наконецъ, какъ дорогую игрушку, отъ которой ждали много потѣхи; его нудили, силили, неволили и наконецъ успѣли въ замыслѣ своемъ вполнѣ. Проснувшись на другое утро послѣ такого необычайнаго для него состоянія, онъ долго не могъ прійдти въ себя; его уговорили выпить чайку съ ромомъ; общество опять нахлынуло, старика

развеселили, опять напоили и, заливая день и ночь виномъ, продержали трои сутки въ безпамятствѣ. Тогда дали ему спокойно выспаться, отрезвиться и отвести душу на огуречномъ разсолѣ. Старику надоѣло это все до такой степени, что, стыдясь себя, онъ наконецъ объявляетъ положительно, что ѣдетъ домой. Общій хохотъ отвѣчаетъ ему на дикую выходку эту, потому, какъ всѣ, одинъ за другимъ начинаютъ увѣрять его, что у него нѣтъ дома, коимъ онъ бредитъ съ–похмѣлья, нѣтъ и деревеньки, о которой поминаетъ, и никогда ни того, ни другаго не бывало; такой деревни даже за память людскую нигдѣ въ окружности не бывало. Старикъ считаетъ покуда еще все это дурною, пошлою и весьма–докучливою шуткою; онъ настаиваетъ съ сердцемъ, чтобъ отвязались отъ него и отпустили его домой; но оказывается, что онъ бредитъ также саньми своими, лошадьми, кучеромъ, коихъ здѣсь никогда не бывало. Всѣ люди въ домѣ, вся прислуга смѣется ему при такомъ требованіи въ глаза и не понимаютъ его. Ему говорятъ, что онъ вѣкъ свой жилъ

и живетъ у Усманова приживалкой и, спившись съ кругу, вѣроятно, впалъ въ бѣлую горячку; что саней, лошадей и кучера Василья у него никогда не бывало, и о такой деревенькѣ, какую онъ называетъ, отродясь никто не слыхивалъ.

Старикъ начинаетъ хвататься за голову, на своихъ ли она плечахъ, начинаетъ припоминать прошлое: не спитъ ли онъ, не пьянъ ли, не бредитъ ли и въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ этихъ безобразныхъ оргій? Подумавъ, однако, онъ вдругъ беретъ трость и шапку свою и идетъ. «Куда?» спрашиваютъ его. «Домой.» Общій хохотъ изумленія былъ этому отвѣтомъ. Хозяинъ самъ, державшійся доселѣ нѣсколько въ сторонѣ, вмѣшивается разсудительно въ дѣло и говоритъ уже вовсе не шуточнымъ голосомъ любезному сосѣду: «Послушай: да что же ты и въ-самомъ-дѣлѣ проказишь?» — Я иду домой, отвѣчалъ тотъ, задыхаясь негодованіемъ. — Постой же, любезный, лучше поѣдемъ вмѣстѣ, ты намъ укажешь и домъ и деревеньку свою: всѣмъ намъ любопытно будетъ на нихъ

посмотрѣть. Пѣшкомъ и одного тебя пустить нельзя: ты, въ помѣшательствѣ своемъ, и Богъ–вѣсть куда забредешь. Велите подавать сани!»

Цѣлый поѣздъ саней подъѣзжаетъ къ крыльцу; въ переднія, огромныя розвальни, садится самъ хозяинъ съ гостемъ своимъ, отъискивающемъ вотчину, и еще нѣсколько человѣкъ, и просятъ его указывать дорогу въ этотъ Черный–Рогъ или Чортовъ–Отрогъ, котораго никто во всей губерніи не знаетъ и на который всѣмъ чрезвычайно желательно поглядѣть. Прочіе гости слѣдуютъ за ними, то обгоняя, то рядомъ, съ крикомъ, шумомъ и смѣхомъ.

Ѣдутъ; старикъ еще крѣпится кой–какъ, указываетъ дорогу, называетъ всѣ мѣста и урочища, направо и налѣво, мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ, и говоритъ наконецъ: «Ну, вотъ она, сейчасъ за этимъ бугромъ». Но вслѣдъ за тѣмъ лицо его вдругъ принимаетъ какое–то страшное выраженіе; онъ сперва начинаетъ безпокоиться, повертываться, оглядываться; большіе глаза его со страхомъ обращаются во всѣ

стороны, потомъ онъ схватываетъ себя за грудь, за голову... Чернаго–Рога нѣтъ. Онъ приказываетъ остановиться, воротиться, объѣхать сюда, туда, стоитъ въ саняхъ блѣдный, чуть живой — глядитъ, и уже ничего не видитъ.. Вся мѣстность, всѣ урочища тутъ, какъ на ладонкѣ; Черный–Рогъ ищутъ, какъ булавочку, а его нѣтъ!

Его и въ–самомъ–дѣлѣ ужъ не было. Ради шутки Усмановъ приказалъ снести деревушку эту вподолженіе трехъ сутокъ, что продержалъ хозяина ея въ плѣну и безпамятствѣ, снести до основанія и засыпать городище снѣгомъ, чтобъ и помину и слѣдовъ ему не было. Потѣха была удивительная. Къ–счастію, старику, однакожъ, не дали рехнуться окончательно, а повернули въ другую сторону и вскорѣ остановились передъ новымъ поселеніемъ, гдѣ стройка избъ шла и кипѣла при помощи тысячи рукъ. Здѣсь полуодурѣвшій старичокъ нашъ встрѣтилъ всѣхъ крестьянъ своихъ и своего старосту, который и донесъ, что ихъ надѣлили новой землицей, по милости Усманова, что къ нимъ

приселяютъ еще нѣсколько семей изъ его же вотчинъ и надѣляютъ всѣмъ нужнымъ. Выгнали до тысячи рабочихъ и, должно–быть, черезъ недѣльку новое поселеніе поспѣетъ...

То старина, то и дѣянье!